

На правах рукописи

Кошелюк Наталья Андреевна

**ГРАФИКО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕРВЫХ ПАМЯТНИКОВ
НА МАНСИЙСКОМ ЯЗЫКЕ СЕР. XVIII – НАЧ. XX ВВ.**

Специальность 10.02.02 – Языки народов Российской Федерации (мансийский язык)

АВТОРЕФЕРАТ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва-2022

Работа выполнена в лаборатории «Лингвистические платформы» отдела «Информационных систем» Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института системного программирования им. В. П. Иванникова Российской академии наук

Научный руководитель: **Норманская Юлия Викторовна**
доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела урало-алтайских языков Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института языкознания Российской академии наук

Официальные оппоненты: **Кондратьева Наталья Владимировна**
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Удмуртский государственный университет»

Кашкин Егор Владимирович
кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики, научный сотрудник Группы по изучению контактного взаимодействия русского языка с языками коренных народов России Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук

Ведущая организация: Бюджетное учреждение Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»

Защита состоится «06» сентября 2022 г. в 14.00 на заседании диссертационного совета Д 002.006.01 при ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, с. 1.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН Институт языкознания РАН по адресу: 125009, г. Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1 и на официальном сайте: <http://iling-ran.ru>.

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета,

кандидат филологических наук

Е. М. Девяткина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию графико-фонетических особенностей ряда архивных памятников мансийской письменности середины XVIII – начала XX вв.

Актуальность исследования связана с тем, что многие архивные филологические документы за последние десятилетия были заштабелированы¹ (в частности, первые мансийские кириллические переводы, которые удалось оцифровать в архивах СПбФ АРАН в 2018-2019 гг. в настоящее время по этой причине уже недоступны) или утеряны, а также с важностью изучения этих источников, ввиду особого положения мансийского языка на сегодняшний день: если в начале XX в. существовали носители всех диалектных групп – северной, восточной, южной и западной (B. Munkácsi, B. Kálmán), то к настоящему времени сохранены лишь северные (сыгвинский, верхнелозьвинский, обской и сосьвинский говоры). Речь последних носителей восточного диалекта была записана М. К. Амелиной в 2013 г.² Учитывая отдаленную и труднодоступную для экспедиций локализацию манси, сбор данных и последующее исследование этого языка во все времена представляло определенную сложность. Так, основным источником сведений о мансийских диалектах к настоящему времени принято считать материалы Б. Мункачи и А. Каннисто, как содержащие наиболее полную информацию (T. Riese). Эти данные были собраны на рубеже XIX–XX вв. во время поездок ученых по территории расселения манси (B. Kálmán, L. Keresztes, E. A. Кузакова, E. И. Ромбандеева и др.). В XX в. данные словарей (Kannisto 2013)³ и (МК 1986)⁴ легли в основу многих научных изысканий (W. Steinitz, L. Murphy, L. Honti и др.). Важно отметить, что, несмотря на растущий интерес отечественных и зарубежных лингвистов к мансийскому языку, начиная со второй половины XX в., и относительно активное пополнение его корпуса новыми полевым материалом (А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева, E. A. Кузакова, А. И. Сайнахова, E. И. Ромбандеева, Ю. А. Тамбовцев, Д. О. Жорник, а также задокументированные и размещенные на платформе «LingvoDoc» записи юкондинского диалекта М. К. Амелиной⁵, среднеобского – И. А. Стениным⁶, говора п. Хулимсунт –

¹ Штабелирование – закрытие имеющихся библиотечных и архивных материалов как прочитанных, упаковывание их и отгрузка в книгохранилище.

² Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издат. центр «Азбуковник», 2016. 261 с.

³ Kannisto A., Eiras V., Moisisio A. Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt und geordnet von A. Kannisto, bearbeitet von V. Eiras, herausgegeben von A. Moisisio. Kotimaisten Kielten Keskuksen Julkaisuja. Helsinki: Societé Finno-Ougrienne-Kotimaisten Kielten Keskus, 2013. 961 p.

⁴ Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch / Gesammelt von Munkácsi B. Geordnet, bearb. und hrsg. von Kálmán B. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 950 p.

⁵ Амелина М. К. Словарь юкондинского диалекта мансийского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/657/3/perspective/657/4/view> (дата обращения: 10.06.2022).

⁶ Стенин И. А. Словарь средне-обского диалекта мансийского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/656/2/perspective/656/3/view> (дата обращения: 10.06.2022).

Р. И. Идрисовым⁷ и др.), исследователям все равно приходится обращаться к текстам Б. Мункачи и А. Каннисто, так как имеющаяся на сегодняшний день база полевого материала не охватывает объем данных, зафиксированных в словарях (МК 1986) и (Kannisto 2013). При этом в материалах финского и венгерского лингвистов существует значительная разница в записи мансийских диалектов, а современные данные не позволяют определить, чья транскрипция надежнее, поскольку за прошедший с момента записи период, мансийский язык мог претерпеть значительные изменения. В этом свете особое значение приобретает необходимость исследования ранее неописанных архивных памятников XVIII–XX вв.: зачастую именно в них отражены важные фонетические явления, позволяющие выявить, какие изменения произошли в языке и его диалектах за последние 100–250 лет, и верифицировать точность записей зарубежных исследователей.

Научная разработанность проблемы

Первое из известных нам исследований архивных памятников XVIII в. было проведено финским лингвистом А. Каннисто в статье «Ein Wörterverzeichnis ausgestorbener wogulischen Dialekts in den Papieren M. A. Castréns», датированной 1913–1918 гг. Работа представляет собой описание словаря, исчезнувшего усть-улсуйского (вишерского) диалекта. Попавшая к Каннисто рукопись является стенограммой М. А. Кастрена с оригинала карпинского⁸ источника. В статье исследователь приводит его подробное описание, указывает на явные и многочисленные ошибки и неточности в оригинальной записи, которые так же были отмечены и М. А. Кастреном: *Калень* > К. *камень*, *Ульпи* > К. *ульпа*, *Писнь* > К. *паснь*, *Оантъ* > К. *оанчъ* и др.⁹

Интерес к мансийским словарям П. С. Палласа (1790-1791 гг.) впервые отмечается в статьях венгерского лингвиста Б. Кальмана. В работе «Pallas manysi adatainak hangtörténeti használatósága», 1958 г., автор говорит о необходимости тщательного изучения первых памятников мансийской письменности, признавая их важность для сравнительно-исторического языкознания. Следующее обращение Б. Кальмана совершено в статье «Wogulische Pflanzennamen aus dem Vocabularium von Pallas», опубликованной в 1990 г. Работа носит преимущественно описательный характер и не представляет практической пользы для цели и задач настоящей диссертации.

⁷ Идрисов Р. И. Словарь сосвинского диалекта мансийского языка (п. Хулимсунт) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/660/7/perspective/660/8/view> (дата обращения: 10.06.2022).

⁸ В свое время рукопись оказалась у некоего майора Карпинского, а позднее перешла к лингвисту М. А. Кастрену.

⁹ Kannisto A. Ein Wörterverzeichnis ausgestorbener wogulischen Dialekts in den Papieren M. A. Castréns // Journal de la Société Finno-Ougrienne. O. XXX8. Helsinki, 1913–1918. P. 7.

Стремление привлекать к рассмотрению материалы памятников XVIII в. характерно для работ Я. Гуйи. Статья «Egy 1776-ból származó mansi nyelvemlék», 1958 г., посвящена исследованию небольшого архивного памятника, составленного И. Куроедовым. Основу словаря составил язык манси, проживающих вдоль рр. Тагил, Чусовая и Тура Свердловской области. В статье «Drevnemansijskie dialecty [Ancient Mansi dialects]», датированной 1963 г., автором был проведен фонетический анализ различных словников XVIII в. на мансийском языке из архивов г. Санкт-Петербурга, позволивший заключить, что в системе вокализма этих памятников еще не было диалектной раздробленности, и она была значительно ближе к прамансийскому состоянию¹⁰. В результате этого исследования Я. Гуя выделяет ряд особенностей, характерных для исследуемых источников: «Лабиялизация ПМанс. *ā еще не закончилась, рефлексом ПМанс. *ā̄ всегда был монофтонг, переход древнемансийского *й* в *о* в южном диалекте еще не закончился, остальные гласные не отличались от прамансийского состояния, за исключением *ē*, рефлексация которого была описана Я. Гуйей. С точки зрения консонантизма, по мнению ученого, мансийские говоры XVIII в. были близки диалектам XX в. Он отмечает следующие инновационные изменения, произошедшие в отдельных группах мансийских диалектов: 1) в значительной части южных говоров произошел переход ПМанс. **p* > *w*; 2) в западных, восточных и южных диалектах имела место лабиализация **k*; 3) в северном диалекте древнемансийское *š* в большинстве случаев сохранялось, переход начался в конце XIX в.; 4) переход древнемансийского *ć* в *ś* произошел в западных, восточных и северных диалектах»¹¹.

В цикле статей Ю. В. Норманской и Н. А. Кошелюк проведен детальный анализ всех известных на сегодняшний день мансийских словарей П. С. Палласа, а также ряда других архивных источников на предмет уточнения их места в существующей диалектной системе мансийского языка. В статье «Неопубликованный мансийский словарь П. С. Палласа – ранее неизвестный мансийский диалект?», 2020 г., представлен анализ ранее неопубликованного и не рассматриваемого другими исследователями словаря фонда А. М. Шёгрена Санкт-Петербургского филиала Архива Российской академии наук. Его авторство, место и время создания неизвестны. Обращение к исторической справке показало, что он был переписан в XIX в. А. М. Шёгреном из архива П. С. Палласа. Исследование этого источника показало, что его язык имеет сходство с кондинским (восточным) и среднеобским (северным) диалектами по переходу прамансийского **k* в *x* перед задними гласными, отражению **y* перед согласными и в конце слова. Это подтверждается общими с этими диалектами

¹⁰ Норманская Ю. В. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 72.

¹¹ Там же.

лексическими изоглоссами, зафиксированными у р. Березовой и представленными в палласовском словаре. При этом в словаре отмечена особая форма спряжения, которая ранее была описана только для западных диалектов. Таким образом, в исследовании было показано, что представленные в рассматриваемом источнике архаичные особенности и инновационные северные и западные черты, не дают возможности причислить его говор к одной из выделенных на сегодняшний день мансийских диалектных групп.

Опубликованная в 2020 г. статья Ю. В. Норманской «Словари пермских манси, «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке» посвящена фонетическому анализу уже исчезнувших к концу XIX в. кунгурского, верхотурского и чердынского говоров¹². Анализ материала словарей пермских говоров, собранных П. С. Палласом, позволил в двух случаях уточнить реконструкцию прамансийских фонем и показал, что существующая мансийская классификация, описывающая разделение мансийских диалектов примерно 1 тыс. лет назад, нуждается в уточнении, поскольку, в соответствии с ней, по одним признакам пермские говоры из словаря П. С. Палласа относятся к южным, а по другим – к восточным и западным диалектам. Но по большинству инновационных черт исчезнувшие пермские мансийские диалекты наиболее близки к тавдинскому диалекту, и, видимо, к этой группе его следует относить. По заключению Ю. В. Норманской, еще в XVIII в. ныне исчезнувшие южные диалекты простирались почти на 300 км на запад в Свердловскую область¹³.

В следующей работе, опубликованной Ю. В. Норманской в 2022 г. под названием «Как менялась классификация мансийских диалектов (исследование на материале первых кириллических книг и словарей XVIII–XIX вв.)», лингвистом осуществлен разбор памятников XVIII–XIX вв. В отличие от исследования Я. Гуйи, также работавшего с архивными памятниками мансийской письменности XVIII в., но на выборочном и довольно скудно представленном материале, в статье Ю. В. Норманской представлен ранее неописанный материал из семи словарей XVIII в. и трёх книг XIX в., проанализированный по шести диалектным чертам Л. Хонти¹⁴. Исследование показало, что «в XVIII в. при реализации ПМанс. фонем, которые для диалектов XIX в. станут дифференцирующими, наблюдались в большинстве случаев дублетные архаические и инновационные рефлексии.

¹² Гайдамашко Р. В., сотруднику Института лингвистических исследований РАН г. Санкт-Петербурга, удалось установить авторство и точное время записи этих трех палласовских словарей: автор – секретарь Пермского наместнического правления Никита Овчинников, время создания – зима 1784-1785 гг. [Гайдамашко (рукопись)].

¹³ Норманская Ю. В. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 79.

¹⁴ Honti L. Die wogulische Sprache. Ed. D. Sinor, The Uralic Languages. Description, History and Foreign Languages. Handbuch der Orientalistik. Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill. 1988. P. 149.

В середине XIX в. картина меняется: гласные фонемы практически не имеют дублетных рефлексаций и совпадают в рассмотренных четырех источниках»¹⁵.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются рукописи первых мансийских памятников на кириллице, которые легли в основу онлайн-словарей, корпусов и конкордансов на мансийском языке XVIII–XX вв. Предмет исследования – графико-фонетические особенности архивных памятников, записанных на западном и восточном диалектах мансийского языка.

Цель и задачи исследования

Цель исследования – описание графико-фонетических особенностей первых словарей и книг на мансийском языке середины XVIII – начала XX вв. и последующее сопоставление полученных результатов с данными мансийских диалектов по словарям Б. Мункачи и А. Каннисто, а также с современным полевым материалом.

В соответствии с целью поставлены следующие задачи:

- верифицировать надежность записи данных мансийских словарей Б. Мункачи и А. Каннисто, путем сопоставления их с первым кириллическим памятником соответствующего периода и говора – словарем о. Константина Словцова 1905 г., прамансийской реконструкцией гласных и новым полевым материалом;
- уточнить диалектную принадлежность соликамского словаря, записанного прот. Симеоном Черкаловым в 1783 г.;
- определить диалектную принадлежность и провести полное графико-фонетическое описание двух мансийских Евангелий от Матфея середины и второй половины XX в.;
- выявить инновационные процессы, произошедшие в западных и восточных мансийских диалектах в период с середины XVIII в. до второй половины XX в.

Исследовательский корпус

Исследовательский корпус составили архивные памятники мансийской письменности: западные словари прот. Симеона Черкалова 1783 г. (611 лексем)¹⁶ и о. Константина Словцова

¹⁵ Норманская Ю. В. Как менялась классификация мансийских диалектов (исследование на материале первых кириллических книг и словарей XVIII–XIX веков) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 142.

¹⁶ Словарь мансийского языка, составленный протоиереем Симеоном Черкаловым (г. Соликамск, 1783 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/867/9/perspective/867/10/view> (дата обращения: 26.03.2022).

1905 г. (431 лексема)¹⁷, восточные тексты Евангелия от Матфея 1847-1848 гг. (17.133 лексем)¹⁸¹⁹ и 1868 г. (17.133 лексем)²⁰²¹. При необходимости были привлечены дополнительные источники.

Новизна

Новизна исследования заключается во введении в научный оборот ранее неописанных памятников на мансийском языке: двух текстов Евангелия от Матфея (1847-1848) и (1868).

Привлечение к исследованию новых архивных данных последних 100–250 лет позволило верифицировать надежность транскрипции А. Каннисто и описать фонетические и морфологические изменения, произошедшие в мансийских диалектах с середины XVIII – начала XX вв. до наших дней. Насколько нам известно, единственная похожая работа была проведена Ю. В. Норманской в 2022 г. на материале первых кириллических книг и словарей XVIII–XIX вв. – «Как менялась классификация мансийских диалектов (исследование на материале первых кириллических книг и словарей XVIII–XIX веков)»²², но в нее не был включен разбор памятника (Евангелие 1847-1848), а также не задействованы в полном объеме материалы источников (Черкалов 1783) и (Евангелие 1868), как это сделано в настоящем диссертационном исследовании.

Теоретические основания

В основу исследования положены следующие теоретические основания: диалектно-дифференцирующие черты мансийских диалектов Л. Хонти²³ и прамансийская реконструкция Л. Хонти²⁴, дополненная Ю. В. Норманской²⁵ по современным полевым материалам.

¹⁷ Словарь верхнепелымского диалекта мансийского языка, авторства о. Константина Словцова (1905 г.) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/652/2/perspective/652/3/publish> (дата обращения: 26.03.2022).

¹⁸ Словарь Евангелия от Матфея и Марка на мансийском языке (1847-1848) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3475/92/perspective/3475/96/view> (дата обращения: 26.03.2022).

¹⁹ Корпус Евангелия от Матфея и Марка на мансийском языке (1847-1848) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4130/8/perspective/4130/11/view> (дата обращения: 26.03.2022).

²⁰ Словарь Евангелия от Матфея и Марка на мансийском языке (1868) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/3096/37674/perspective/3096/37675/view?page=1> (дата обращения: 26.03.2022).

²¹ Корпус Евангелия от Матфея и Марка на мансийском языке (1868) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lingvodoc.ispras.ru/dictionary/4130/8/perspective/4130/11/view> (дата обращения: 26.03.2022).

²² Норманская Ю. В. Как менялась классификация мансийских диалектов (исследование на материале первых кириллических книг и словарей XVIII–XIX веков) // Сибирский филологический журнал. 2022. № 1. С. 126-143.

²³ Honti L. Die wogulische Sprache. Ed. D. Sinor, The Uralic Languages. Description, History and Foreign Languages. Handbuch der Orientalistik. Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill. 1988. P. 149.

²⁴ Honti L. Geschichte des obugrischen vokalismus der ersten Silbe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. 227 p.

²⁵ Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования, 2015, 4 (19). С. 40–59.

Методы научного исследования

Исходя из общей цели и задач диссертации, в работе использовались как составление этимологических словарей и глоссированных корпусов на лингвистической платформе «LingvoDoc», так и дистрибутивный, сопоставительный и сравнительно-исторический методы. Составление этимологических словарей предполагает перевод оцифрованных копий архивных памятников в электронные словари, связывание каждой представленной в них лексемы когнатами из других мансийских словарей и корпусов, размещенных на «LingvoDoc». Глоссированные корпуса, представленные в настоящей диссертации, предварительно были также набраны и размечены в программе «Elan», после чего подгружены на платформу. Далее, в зависимости от задачи, к словарям и корпусам были применены встроенные в систему «LingvoDoc» специальные алгоритмы и опции, например: *анализ когнат* – выявление общих связей исследуемого словаря с другими диалектами и языками; *фонематический анализ* – инструмент, позволяющий выявлять набор фонем и аллофонов в современном полевом материале; *построение карт* – опция, позволяющая строить ареалы конкретных языковых явлений, отображать территории распространения тех или иных языков, диалектов, говоров и т.д.²⁶

Научная достоверность

Достоверность полученных результатов подтверждается полным графофонетическим анализом исследуемых памятников с привлечением сведений из наиболее полных мансийских словарей, а также материалов лингвистов XIX–XX вв. и современных полевых данных. Помимо этого, все рассматриваемые источники размещены в открытом доступе и проверены алгоритмами платформы «LingvoDoc».

Теоретическая и практическая значимость

Теоретическая значимость заключается в том, что выявленные графофонетические особенности архивных памятников середины XVIII – начала XX вв. позволяют установить, какая из транскрипций зарубежных лингвистов Б. Мункачи и А. Каннисто заслуживает большего доверия в контексте опоры на нее для мансийских исследований, дополнить имеющиеся описания мансийских диалектов и установить время начала инновационных изменений, а также определить, какие признаки являются нерелевантными для диалектной классификации в XVIII в.

²⁶ Подробнее с возможностями лингвистической платформы «LingvoDoc» и подробными инструкциями по работе с алгоритмами можно ознакомиться по ссылке: <https://github.com/ispras/lingvodoc-react/wiki>.

Практическая значимость состоит в возможности использования онлайн-словарей, корпусов и конкордансов, созданных диссертантом по новым архивным памятникам, в качестве источника материала для последующих исследований, в том числе, их сравнения со словарями и корпусами других языков.

Результаты проведенного исследования также могут быть использованы при разработке учебных курсов и пособий по мансийской диалектологии, типологии, сравнительно-историческому языкознанию.

Положения, выносимые на защиту:

1) Графико-фонетическое исследование мансийского словаря (Словцов 1905) на основе сопоставления пельмских данных является способом верификации более точной транскрипции А. Каннисто (Kannisto 2013) по сравнению с записью Б. Мункачи (МК 1986);

2) В словаре (Черкалов 1783) представлена прамансийская рефлексация по всем диалектно-дифференцирующим признакам, а инновационные развития встречаются лишь как дублеты. Это говорит о том, что в XVIII в. еще не сформировались четкие изоглоссы, позволяющие отнести говор манси Соликамского уезда²⁷, расположенного на территории расселения западных манси, к конкретной диалектной группе мансийского языка;

3) Тексты Евангелия от Матфея (1847-1848) и (1868) являются памятниками восточномансийского нижнекондинского говора, при этом язык наиболее раннего текста представляет говор, до сих пор не введенный в научный оборот и обладающий рядом особенностей, не зафиксированных в других диалектах;

4) В западномансийских памятниках второй половины XVIII в. и начала XX в. выявлено сохранение противопоставления ПМанс. *ć vs. *ś, утраченных в источниках А. Каннисто и Б. Мункачи; определена отдельная инновация, зафиксированная для (Словцов 1905) – выпадение ПМанс. *у в инлауте и ауслауте, свойственное западным вагильскому и лозьвинскому мансийским диалектам; для словаря прот. Симеона Черкалова выявлена общая изоглосса с данными пермских памятников (Паллас 1790-1791) – переход ПМанс. *и > о, как инновационная южномансийская тавдинская черта, представляющая в соликамских и пермских мансийских записях XVIII в. начало этого процесса; и отдельная, характерная только для (Черкалов 1783) особенность – сохранение архаической реализации прамансийского согласного (*ć²⁸ > ċ) и наличие инновационного развития (*ć > ś);

²⁷ Они же – козьвинские или яйвинско-козьвинские манси (З. П. Соколова, Ю. Б. Коряков, Р. В. Гайдамашко и др.).

²⁸ ċ – по статье: Норманская Ю. В. Словари пермских манси «аборигенов Сибири», собранные П. С. Палласом в XVIII веке // Урало-алтайские исследования. 2020. № 3 (38). С. 71–81.

5) В восточномансийских памятниках середины XIX в. отсутствуют дифтонги в реализации прамансийской **a*, зафиксированные в говорах начала XX в. и в современных данных; для двух Евангелий от Матфея (1847-1848) и (1868) было отмечено начало перехода ПМанс. **i* > *e*, который завершился в середине XX в.; были выявлены ограничения на качество второго гласного после *o*, *e*, *i* в первом слоге, которые не отмечены в более поздних источниках: после *o*, *e* во втором слоге в Евангелии (1847-1848) за редким исключением возможны *e*, *ы*, тогда как в Евангелии (1868) – только *e*; после *i* в обоих текстах для второго слога практически всюду фиксируется только *a*;

6) Запись русских миссионеров и церковных служителей, представленная в архивных мансийских памятниках, отличается точностью и может служить источником достоверных сведений о мансийском языке;

7) Традиционная система классификации мансийских диалектов, построенная на данных XIX–XX вв. и, в первую очередь, анализе рефлексов ПМанс. **ā*, **ī*, **y*, **č*, **k*, **š*, нуждается в уточнении в связи с тем, что в западномансийском памятнике XVIII в. представлена (иногда в качестве дублета) архаическая рефлексация всех фонем, а в восточномансийских текстах середины и второй половины XIX в. инновационные развития зафиксированы только для ПМанс. **ā*, **ī*, **k*; в остальных случаях они отсутствуют, либо только начинаются. Возможно, что для данных середины XVIII – начала XIX вв. следует выделять другие группы мансийских диалектов и/или диалектно-дифференцирующие признаки.

Апробация полученных результатов

Основные положения и результаты исследования отражены в докладах на научно-практических конференциях («Актуальные вопросы исследования языков южной Сибири» (3-14 июля 2017, г. Томск), «NORDSCI. Conference on Social Sciences» (17-19 July 2018, Helsinki, Finland), «Актуальные проблемы уральских и алтайских языков» (12-13 октября 2019, г. Томск), «X Mikael Agricola päeva konverents» (8-9 April 2022, Narva, Estonia), научных семинарах и годовых отчетных встречах лаборатории лингвистической антропологии НИ ТГУ (декабрь 2020, г. Томск), отдела урало-алтайских языков ИЯз РАН (декабрь 2021, г. Москва) и заседаниях лаборатории «Лингвистические платформы» ИСП РАН (декабрь 2020, апрель 2021, декабрь 2021, г. Москва).

Объем и структура работы

Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, перечня используемых сокращений и условных обозначений и списка литературы. Объем диссертации составляет 200 страниц. Список литературы включает 177 источников.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность настоящего исследования, определяются его цель, задачи и методы, излагаются теоретические основы исследования и научная разработанность проблемы, поясняются научная новизна, теоретическая и практическая значимость результатов исследования, формулируются положения, выносимые на защиту. Введение содержит данные о результатах работы, апробации основных положений, структуре и объеме диссертации.

В **первой главе «История вопроса. Общие сведения о манси и мансийском языке»** представлен обзор общей информации о манси и мансийском языке, начиная от первых миссионерских словников XVII–XVIII вв. до создания современных виртуальных платформ. Здесь также излагаются сведения об истории изучения мансийской графики и лексики. Обзор фонетических и морфологических исследований приводится в следующей главе, ввиду дополнения имеющихся данных актуальными сведениями по результатам анализа нового полевого и архивного материала, представленного на платформе «LingvoDoc».

Параграф 1.1 содержит сведения о локализации манси в ее исторической ретроспективе на основании топонимических данных и нынешней территории расселения носителей мансийского языка. В параграфе 1.2 приводится классификация мансийских диалектов по Б. Мункачи с уточнением состава говоров каждой из четырех групп и относящихся к ним населенным пунктам, дополнительно освещается современное состояние мансийского языка по данным ЮНЕСКО и Ежегодному мониторингу Обско-угорского института прикладных исследований и разработок. Параграф 1.3 содержит информацию о первых словарях и текстах на мансийском языке.

Становление научного освоения мансийского языка в Европе рассматривается в параграфе 1.4 настоящей диссертации, где в хронологическом порядке, начиная с середины XIX в., представлено краткое описание маршрутов первых экспедиций венгерских и финских исследователей по местам локализации манси, перечисляются основные труды лингвистов, опубликованные по собранным материалам (P. Hunfalvy, A. Ahlqvist). В параграфе 1.5 приводится более подробный обзор основных зарубежных мансийских исследований в период со второй половины XIX по XX вв. Здесь представлено освещение экспедиций Б.

Мункачи, У. Сирелиуса, А. Каннисто, а также излагаются сведения о публикациях других европейских лингвистов, проводивших исследования мансийского языка и его диалектах на разных уровнях на основе проведенных экспедиций и их собственных наработках (М. Liimola, O. Hazay, W. Steinitz, D. Lako, J. Gulya, B. Kálmán, L. Honti и др.).

Параграф 1.6 включает хронологию исследований мансийского языка в России. Первые работы, посвященные этой тематике, относятся к 1930-м годам и связаны с именами советских ученых В. Н. Чернецова, И. Я. Чернецовой, А. Н. Баландина, разработавших первые мансийские алфавит и грамматику; середина XX в. отмечена появлением первых учебных пособий и букварей (А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева) и первыми защитами кандидатских и докторских диссертаций; вторая половина XX столетия ознаменовалась активным изучением мансийской фонетики, фонологии и лексики (Е. И. Ромбандеева, Е. А. Кузакова и т.д.).

В XXI в. с созданием виртуальных исследовательских лабораторий, специальных программ и платформ, позволяющих обрабатывать лингвистический материал более совершенным способом, мансийские исследования в России и Европе вышли на новый уровень – освещению этого вопроса посвящен параграф 1.7. Среди таких разработок отметим немецкий проект 2009 г. по изучению родственных хантыйского и мансийского языков «Ob-Ugric languages: conceptual structures, lexicon, constructions, categories» (OUL) и проект 2014 г. – «Ob-Ugric Data base: analyzed text corpora and dictionaries for less described Ob-Ugric dialects» (OUIDB), а в России – лингвистическую платформу «LingvoDoc», разработка которой была начата в 2010 г., оснащенную алгоритмами на основе математического анализа для проведения фонологических, фонетических, семантических исследований, построения карт и 3D-моделей различных языковых явлений.

В параграфе 1.8 описывается становление системы письменности мансийского языка от самых первых попыток до утверждения в 1979 г. проекта по уточнению и обновлению мансийской графики и орфографии на основе лабораторных экспериментальных исследований Е. И. Ромбандеевой. Разработанная система графики мансийского языка, учитывающая наличие 6 долгих и 6 кратких гласных, 4 долгих и 4 кратких йотированных гласных фонем, не принятых во внимание в предшествующих исследованиях, действует и на сегодняшний день.

Информация о лексических заимствованиях в мансийском языке представлена в параграфе 1.9. Согласно исследованиям, в северных мансийских диалектах преобладают заимствования из коми (К. Rédei), ненецкого и туринского сибирско-татарского языков, в южных – из нижнетавдинского сибирско-татарского (А. Kannisto), в восточномансийских – из туринского сибирско-татарского (А. В. Дыбо, Ю. В. Норманская). Во всех диалектных

группах мансийского языка преобладают заимствования из русского языка (А. Н. Баландин, М. П. Вахрушева, В. Kálmán).

Во второй главе «Особенности современных и архивных мансийских данных в фонетических и морфологических исследованиях XXI в.» представлен обзор фонологического (фонетического) и морфологического уровней мансийского языка, а также освещение результатов исследования, проведенного с помощью современных инструментов, по уточнению и дополнению существующих наработок лингвистов XX вв.

В параграфе 2.1 рассматриваются основные системы вокализма первого слога северомансийского сосьвинского диалекта по данным исследований В. Штейнитца²⁹, Л. Хонти³⁰, Б. Кальмана³¹, Л. Керестеша³², Л. Мёрфи³³ и Е. И. Ромбандеевой³⁴ в сопоставлении с системой гласных сосьвинского диалекта с. Ломбовож, построенной в результате современной экспериментально-фонологической обработки звуков на платформе «LingvoDoc».

Как показал наш обзор, предложенные исследователями XX в. системы имеют расхождения по качеству и количеству гласных фонем даже внутри одной диалектной группы – в поддиалектах: Б. Кальман и Л. Керестеш насчитывают в сосьвинском диалекте 10 гласных фонем, В. Штейнитц, Л. Хонти (верхнелозьвинский, сосьвинский, сыгвинский) – 8, А. Н. Баландин и М. П. Вахрушева (сосьвинский) – 9, Л. Мёрфи для сосьвинского – 8, Е. И. Ромбандеева – 13 (сыгвинский) и 10 фонем (сосьвинский). Привлечение нового полевого материала – данных сосьвинского диалекта с. Ломбовож, – обработанного с помощью современных фонетических и фонологических программ, позволяет уточнить качество некоторых фонем, выявленных в исследуемых данных. Однако, учитывая небольшой объем анализируемого словаря (234 лексемы), становится ясно, что для окончательного решения о количестве фонем и аллофонов, и их транскрипции необходим обсчет и анализ более объемного аудиословаря исконной лексики.

В параграфе 2.2. представлено исследование общих инновационных процессов в именной парадигме мансийских диалектов. Несмотря на достаточно разработанную систему морфологического описания мансийского языка и наличие неоспоримой подавляющим большинством исследователей словоизменительной модели (M. Liimola, L. Murphy, L. Honti, А. Н. Баландин, Е. А. Кузакова, Е. И. Ромбандеева, Е. К. Скрибник, К. В. Афанасьева,

²⁹ Steinitz W. Geschichte des wogulischen Vokalismus. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. P. 32-36.

³⁰ Honti L. Geschichte des obugrischen vokalismus der ersten Silbe. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1982. P. 16.

³¹ Kálmán B. Das nordwogulische Phonemsystem / Studien zur Phonologischen Beschreibung Uralischer Sprachen. Bibliotheca Uralica, 7. Akadémiai Kiadó: Budapest, 1984. P. 73-76.

³² Keresztes L. Mansi, In: Abondolo, D (szerk.) The Uralic languages. Routledge, 1998. P. 392-393.

³³ Murphy L. W. Sosva Vogul Gramma // Indiana University, Ph. D. Language and Literature, Linguistics, 1968. P. 13.

³⁴ Ромбандеева Е. И. Мансийский (вогульский) язык. М.: Наука, 1973. С. 17-28.

Н. В. Сайнахова и др.), введение в научный оборот недавно обнаруженного архивного материала позволило дополнить ранее полученные сведения о мансийской морфологии. В результате исследования общих и различающихся междиалектных явлений в именной парадигме мансийских диалектов на базе новых архивных данных – (Евангелие 1847), (Евангелие 1868) и (Катехизис 1843), и уже введенных в научный оборот источников (В. Munkácsi³⁵, L. Honti³⁶, Е. И. Ромбандеева³⁷, А. И. Сайнахова³⁸, Е. К. Скрибник³⁹, было подтверждено мнение лингвистов о невозможности проведения диалектной классификации мансийского языка по морфологическим признакам, ввиду отсутствия в словарях XVIII в. и данных XIX–XXI вв. четких дифференцирующих признаков по всем диалектным группам. Также удалось определить некоторые инновационные развития в отдельных говорах:

- Отсутствие показателя *-iñś*, *-iñś* в парадигме числа имени существительного для всех мансийских диалектов в материалах исследователей второй половины XX в. является инновационной чертой (например, конд. *kitjegepiv-intś-ag-me* /два брата-DU-ACC/ ‘(увидел) двух братьев’ (Евангелие 1868), среднелозьв. *oqr-iñś* /родственник по материнской линии-DU/ ‘эти двое родственники’ (Munkácsi 1984) и др.). Во всех остальных формах зафиксирована архаичная рефлексация.
- Наличие показателя *-n* в accusative (Таб. 1) в западных пелымском и северно-вагильском диалектах, в то время как во всех остальных представлен аффикс *-m*, *-me*, а в научной литературе середины XX в. встречается информация, что этот аффикс был характерен не только для пелымского, но и для северно-вагильского (VN) диалекта⁴⁰.

Таб. 1. Показатели accusative в западных мансийских диалектах.

Падеж	(Munkácsi 1984)			(Honti)	
	LU	LM	P	LU	P
Accusative	<i>-ma</i> , <i>-mä</i>	<i>-m</i> , <i>-më</i>	—	<i>-m</i> , <i>-mə</i>	— (<i>-ən</i> , <i>-nə</i>)
	<i>oš-ma</i> овца-ACC	<i>koqt-em</i> рука-ACC			<i>kum-ən</i> <i>kum-nə</i>

³⁵ Munkácsi V. A vogul nyelvjárások // NyK, XXV. Budapest: Kiadja a Magyar tudományos akadémia, 1894. 297 p.

³⁶ Парадигма, представленная в этом исследовании с пометкой (Хонти), для удобства была сведена проф. Хонти из указанных источников в единый файл к научному семинару, прошедшему в 2017 году на базе Томского государственного университета в рамках летней лингвистической школы.

³⁷ Ромбандеева Е. И. Сыгвинский диалект мансийского (вогульского) языка. М.: Академия Наук СССР, 1995. 66 с.

³⁸ Сайнахова А. И. Диалектология мансийского языка: учеб. пособие. Ханты-Мансийск: Доминус, 2012. 104 с.

³⁹ Лингвистический раздел. Таблицы. Северный диалект мансийского языка // Eurobabel – обско-угорские языки и обско-угорская база данных [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.babel.gwi.unimuenchen.de/index.php?abfrage=tables&subnavi=subgrammar> (дата обращения: 26.10.2020).

⁴⁰ Liimola M. Zur historischen Formenlehre des Wogulischen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1963. P. 41.

	‘овцу’	‘за руку’			муж-АСС ‘мужа’
--	--------	-----------	--	--	-------------------

Сравнительный анализ именной морфологии, проведённый в этом разделе, также подтверждает близость мансийских диалектов и указывает на недавнее время их распада. Отдельные инновационные процессы в морфологии, которая в большинстве случаев более архаична, чем фонетика, затронули лишь некоторые западные диалекты.

В третьей главе «Первые западномансийские памятники середины XVIII и начала XX вв.» представлены результаты исследования архивного источника XVIII в., записанного на территории расселения западных манси – словаря прот. Симеона Черкалова (1783) – с целью уточнения его диалектной принадлежности, а также графико-фонетического анализа системы гласных и согласных графем архивного верхнепелымского памятника начала XX в. – словаря о. Константина Слоцова (1905) – с целью выявления его особенностей и проверки точности данных словарей А. Каннисто и Б. Мункачи на пелымском материале.

Параграф 3.1 посвящен анализу вокализма первого слога западного верхнепелымского словаря (Слоцов 1905), как способа верификации данных словарей (МК 1986) и (Kannisto 2013). До сих пор единственными свидетельствами пелымского говора считались данные мансийских словарей финского ученого А. Каннисто (Kannisto 2013) и венгерского лингвиста Б. Мункачи (МК 1986). Но запись в этих словарях имеет значительные расхождения даже в рамках одного и того же говора. Например, в этом отношении показательны слова ‘деревня’ и ‘видеть, знать’, в первом слоге которых, по мнению ряда исследователей (В. Штейнитца, Л. Хонти и М. А. Живлова), реализована одна прамансийская гласная * \bar{y} , ср.:

- 1) сосьв. *paul* [pāwəl], пелым. *pəwəl*, конд. *pəul* (pāil-), тавд. *poul* ~ *roul* ‘деревня’ (МК 1986: 427) и тавд. *pāβl*, конд. *pāβl*, пелым. *pēl*, *pēβl*, сосьв. *pāβl* ‘деревня’ (Kannisto 2013: 560);
- 2) сосьв. *vāy* ~ *vāyi* [wāy], пелым. *vəi*, конд. *voj*, тавд. *vajant* ‘видеть, знать’ (МК 1986: 711) и тавд. *βā-*, конд. *βāā-*, *ū-*, пелым. *βē-*, сосьв. *βā-* ‘видеть, знать’ (Kannisto 2013: 136).

Сопоставление пелымской записи словаря о. Константина Слоцова с аналогичным материалом словарей Б. Мункачи и А. Каннисто позволяет ответить на вопрос, на чьи данные можно полагаться в большей степени. Все источники были проанализированы в

соответствии с прамансийской реконструкцией по Ю. В. Норманской⁴¹, базирующейся на основе современного полевого материала.

В результате исследования было определено, что наибольшей точностью относительно прамансийской реконструкции обладают данные (Kannisto 2013): каждая прамансийская гласная у лингвиста имеет свой рефлекс (Таб. 2). В целом, проведенное сравнение трех словарей исчезнувшего пелымского диалекта показывает, что, в словаре о. Константина Словцова представлена практически фонологическая запись, а в словарях А. Каннисто и Б. Мункачи отражены произносительные варианты гласных звуков. При этом у Б. Мункачи зафиксированы варианты гласных, не отраженные у других исследователей: ПМанс. **a > a/ā, ø*; **e > ā, ø/ō*, а транскрипции А. Каннисто и о. Константина Словцова полностью совпадают между собой, различаясь в ряде случаев только тем, что у Словцова отражены фонемы, а у Каннисто в ряде случаев – аллофоны.

Таб. 2. Вокализм первого слога в пелымском говоре по данным мансийских словарей к. XIX – нач. XX вв.

ПМанс. (Норманская 2015)	(МК 1986)	(Kannisto 2013)	(Словцов 1905)
<i>*a</i>	<i>a/ā, ø</i>	<i>a</i>	<i>a, я (C' _)</i>
<i>*ā</i>	<i>oā, ā (v _)</i>	<i>oā</i>	<i>oa, #o, o#</i>
<i>*i</i>	<i>i</i>	<i>i</i>	<i>и</i>
<i>*u</i>	<i>u/ū</i>	<i>u/ū</i>	<i>у, ю (C' _)</i>
<i>*o</i>	<i>ā, o/ō</i>	<i>o, ō</i>	<i>o, ё (C' _)</i>
<i>*e</i>	<i>ē/ē, e/ē</i>	<i>ē, e/ē</i>	<i>э, е (C' _)</i>
<i>*e</i>	<i>ā, ø/ō</i>	<i>ē, ε</i>	<i>э, е (C' _)</i>

В параграфе 3.2 предпринимается попытка исследования графико-фонетических особенностей архивного пелымско-русского словаря мансийского языка, записанного о. Константином Словцовым, с целью выявления точности передачи согласных звуков первого слога (Таб. 3), относительно словаря мансийского языка А. Каннисто, ввиду подтвержденной гипотезы о его наибольшей точности.

⁴¹ Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога // Урало-алтайские исследования. 2015. № 4 (19). С. 40-59.

Таб. 3. Сопоставление согласных графем в словарях К. Словова и А. Каннисто.

(Словцов 1905)	(Kannisto 2013)
<i>в</i>	<i>β</i>
<i>з/0</i>	<i>у</i>
<i>й</i>	<i>ĵ</i>
<i>к</i>	<i>k</i>
<i>л</i>	<i>л, l</i>
<i>м</i>	<i>m</i>
<i>н</i>	<i>n</i>
<i>нг</i>	<i>nk</i>
<i>п</i>	<i>p</i>
<i>р</i>	<i>r</i>
<i>т, ð</i>	<i>t</i>
<i>х</i>	<i>x</i>
<i>с</i>	<i>s, ś</i>
<i>ш</i>	<i>š, ś</i>
<i>ч</i>	<i>č</i>

В результате исследования было выявлено практически полное совпадение в передаче согласных графем в словарях (Словцов 1905) и (Kannisto 2013). Единственным расхождением является тот факт, что пелымское *ś* по А. Каннисто может соответствовать трём разным графемам в словаре о. Константина Словова:

пелым. с (Словцов 1905), пелым. ś (Kannisto 2013), ПМанс. *č (Honti 1982)

1) пелым. *Пясерью* ‘рябина’ (Словцов 1905: 22), Р *peśśər*, ТЈ *pi,t'sà`r*, ТČ *pi,t's`à`r*, КУ *pä`śər*, Со *pa`śār* ‘рябина’ (Kannisto 2013: 658); *Пасерь* ‘рябина’ (Черкалов 1783); N *paśär ~ paśër [paśar]*, Р *pāśër*, К *pāśer-*, Т *pišä`r ~ pičä`r* ‘рябина’ (МК 1986: 419) < ПМанс. **păčār* (Honti 1982: 480) < ПУ **picla* ‘рябина’ (UEW: 376);

2) пелым. *Оасимъ* ‘дедушка’ (Словцов 1905: 9), Р *oās*, ТЈ ТČ *ā,t'si`*, КУ *öäoś*, Со *ās* ‘отец отца’ (Kannisto 2013: 118); N Р *ās [=āś] oās (~ āś)*, К *oās (~ oās)*, Т *ā'si ~ ā'ci ~ äiči* ‘отец, дедушка (со стороны отца)’ (МК 1986: 52—53); Р К *ās*, Т *āci ~ äiči ~ äši* ‘отец матери, дедушка’ (МК 1986: 53) < ПМанс. **āč(э)* (Honti 1982: 1) < ПУ **ičä* ‘отец’ (UEW: 78);

3) пелым. *Сёсь* ‘волк’ (Словцов 1905: 4), *šěš* ‘волк’ (Kannisto 2013: 819); *Чась* ‘волк’ (Черкалов 1783) < ПУ **śice* ‘волк’ > водск. *susi* ‘волк’;

пелым. ш (Словцов 1905), пелым. ś (Kannisto 2013), ПМанс. *ś (Honti 1982)

1) пелым. *Вишкеркъ* ‘дитя’ (Словцов 1905: 9), Р *iś, iš* ‘маленький’ (Kannisto 2013: 118); Р *iś*, К *viś*, Т *uś* (~ *uč*) ‘маленький’ (МК 1986: 745); юконд. *wiε* ‘маленький’, пелым. *Вишкаръ* ‘малой’ (Словцов 1905: 18) < ПМанс. **wiś* ‘маленький’ (Honti 1982) < ПУ **wāńćV* ~ **wäćV* (UEW: 899);

2) пелым. *Ишкумъ* ‘парень’ (Словцов 1905: 21), Р, VN, VNZ, VNK, VS *iśkum* ‘парень’ (Kannisto 2013: 119); *Яны ўськумъ* ‘юноша’ (Черкалов 1783); < ПМанс. **wiś* ‘маленький’ (Honti 1982) < ПУ **wāńćV* ~ **wäćV* (UEW: 899);

3) пелым. *Ишпудъ* ‘котел’ (Словцов 1905: 14), Р, VN, VS, LU *išput* ‘котел’ (Kannisto 2013: 119) < ПМанс. **wiś* ‘маленький’ + **pūt* ‘котел’ (Honti 1982) < ПУ **wāńćV* ~ **wäćV* (UEW: 899) + **pata* ‘котел’ (UEW: 358);

пелым. ч (Словцов 1905), пелым. ś (Kannisto 2013)

1) пелым. *Ачеромъ* ‘мороз’ (Словцов 1905: 17), Р *εšerm*, ТЈ *i,t'se:rm*, ТČ *i,t'si:rəm*, КУ *āšərəm*, Со *a'sšarmā* ‘холодный, холод, мороз’ (Kannisto 2013: 123); N *ašerəm* (~ *ašermä*) [*aširma* ~ *ašərma*], Р *äšerəm*, К *ašerəm* (~ *āšerəm* ~ *ašermä*), Т *iči'rəm* ~ *iši'rem* ~ *iši'rəm* ‘мороз, холод’ (МК 1986: 53); *Асерме* ‘стужа’ (Черкалов 1783) < ПУ **ačtV* ‘мороз, холод’ > хант. *ətəu* (V, Vj), *ətak* Irt (DN, KoP, Kr), *iškə* Ni, *iškə*, *āškə* (Š), *iški* (Kaz, Sy) ‘мороз’ (DEWOs: 224), мат. *osderá* ‘холод’ (Helimski 1997: 331);

2) пелым. *Ичө* ‘девица’ (Словцов 1905: 9), *iščā* ‘девица’ (Kannisto 2013: 118) < ПУ **itčV* > ПС **ət's'z* ‘ребенок’ (SW: 16), ср. ПТунг. **āži-* ‘ребенок’.

Тщательный анализ каждого случая позволил выявить определенные правила появления. Так, *с* (Черкалов 1873; Словцов 1905), *s* (Kannisto 2013) происходит из ПМанс. **ś* (Honti 1982), а *ш* (Черкалов 1873; Словцов 1905), *ś* (Kannisto 2013) из ПМанс. **ś* (Honti 1982); *ч* зафиксировано только в словах без традиционной обско-угорской этимологии, но в тех же слова, что и в соликамском словаре прот. Симеона Черкалова. Возможно, что в данных случаях речь идет об особой пра(западно-)мансийской фонеме.

Кроме этого, в пелымском словаре Словцова обнаружена инновация – утрата ПМанс. **у* в инлауте и ауслауте, свойственная западным вагильскому и лозьвинскому мансийским диалектам:

1) пелым. *Лынь* ‘белка’ (Словцов 1905: 4), *liyn* ‘белка’ (Kannisto 2013: 410) < ПМанс. **liyn3* (Honti 1982: 348);

2) пелым. *Лусээрзулы* ‘животное’ (Словцов 1905: 11), *lusεyr* ‘животное’ (Kannisto 2013: 402) < тат. *сыер* ‘корова’ < ПТю **sig-* ‘корова’ (EDAL);

3) пелым. *Сээръ* ‘корова’ (Словцов 1905: 13), *seyr* ‘корова’ (Kannisto 2013: 709) < тат. *сыер* ‘корова’ < ПТю **sig-* ‘корова’ (EDAL);

Параграф 3.3 посвящен графико-фонетическому анализу одного из наиболее ранних памятников мансийской письменности – «Краткому вогулическому словарю с российским переводом, собранного и по разным материям расположенного, города Соликамска, Свято-Троицкого собора протеем Симеоном Черкаловым», датированного 1783 г. Источник является единственным свидетельством мансийского говора, локализованного в г. Соликамске и его районах во второй половине XVIII в. Известно, что к этому времени численность мансийского населения Пермской губернии (в настоящее время – край), ввиду процесса обрусения, значительно сократилась, а к XIX в. в этом районе уже не оставалось манси, владеющих своим языком⁴². Обращение к экстралингвистическим данным – экспедиционной карте А. Каннисто, как наиболее полно отражающей локализацию манси на начало XX в., – показало, что запись словаря Черкалова производилась близко к местам проживания носителей западного нижнелозьвинского говора⁴³. Но разница в 334 км между п. Кузино, где исследователь зафиксировал западный говор в начале XX вв., и Соликамска второй половины XVIII в. могла оказаться значительной, поэтому в настоящем исследовании была поставлена задача уточнить диалектную принадлежность этого источника и выяснить, действительно ли язык памятника (Черкалов 1783) относится к западным мансийским диалектам.

В этом разделе представлены результаты графико-фонетического анализа гласных и согласных звуков словаря прот. Симеона Черкалова с целью уточнения его диалектной принадлежности. Источник был проанализирован с точки зрения отражения в нем диалектно-дифференцирующих признаков Л. Хонти (Таб. 4), предложенных лингвистом в статье «Die wogulische Sprache», 1988 г.⁴⁴

⁴² Попов Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии, сообразно начертанию Санкт-Петербургского Вольного Экономического Общества, сочиненное в 1802 и 1803 годах в г. Перми. Ч. 1, 2. Пермь: Пермское Губернское Правление, 1804. 400 с.

⁴³ Расстояние относительно Соликамского уезда и других населенных пунктов западных лозьвинских манси имеет большую разницу, поэтому было принято решение сравнивать данные соликамского словаря с наиболее близким нижнелозьвинским говором.

⁴⁴ Honti L. Die wogulische Sprache. Ed. D. Sinor, The Uralic Languages. Description, History and Foreign Languages. Handbuch der Orientalistik. Leiden; New York; København; Köln: E. J. Brill, 1988. P. 147–171.

Таб. 4. Диалектно-дифференцирующие черты мансийских диалектов по (Honti 1988: 149).

ПМанс. (Honti 1982)	ПМанс. (Норманская 2015)	Южн. (Honti 1988)	Вост. (Honti 1988)	Зап. (Honti 1988)	Сев. (Honti 1988)	(Черкалов 1873)
*ā	*ā̃	ā	ō	ō	ō	o
*ī̃	*a	a	ā/ē	ē	ā/e ⁴⁵	e, (a)
*γ	*-γ	əw	ī	əγ/0 ⁴⁶	əγ	0, γ
*ć	*č	ć	ś	ś	ś	č, ś
*k_Vзад.	*k_Vзад.	k	x/k	k	x	k
*š	*š	š	s(š)	š	s/š	š

ПМанс. *ā⁴⁷ > o

- 1) солик. *Кóши* ‘Муравей’ (Черкалов 1783: 16) < ПМанс. *kāšyāj (Honti 1982);
- 2) солик. *Кóтоль* ‘Солнце, день’ (Черкалов 1783: 26) < ПМанс. *kātəl ~ *kātəl (Honti 1982);
- 3) солик. *Торомъ* ‘Бог’ (Черкалов 1783: 2), нижнелозьв. *tō̃rm* ‘бог, небо’ (Kannisto 2013: 934) < ПМанс. *tārə̃t (Honti 1982);

ПМанс. *ī̃ > e, (a)

- 1) солик. *Пёсы* ‘Капля’ (Черкалов 1783: 10) < ПМанс. *pīsəγ- ~ *pāsəγ- (Honti 1982);
- 2) солик. *Кёппе* ‘Осина’ (Черкалов 1783: 13) < ПМанс. *kī̃pa [Honti 1982];
- 3) солик. *Лямантъ*⁴⁸ ‘Черемуха’ (Черкалов 1783: 30), пелым. *l'ēm* ‘черемуха’ (Kannisto 2013: 446) < ПМанс. *ī̃tm̄ < ПУ *đete (*đote) (Honti 1982);

ПМанс. *γ > 0, γ

В позиции ауслата:

- 1) солик. *Ёны* ‘Большой’ (Черкалов 1783: 2), нижнелозьв. *jēni* ‘большой, старый’ (Kannisto 2013: 217) < ПМанс. *jānəγ (Honti 1982) < ПУ *enä;
- 2) солик. *То́гъ* ‘Сук’ (Черкалов 1783: 27), нижнелозьв. *taγ* ‘сук’ (Kannisto 2013: 867) <

⁴⁵ Уточнено по обским мансийским полевым данным, см. подробнее (Норманская 2015).

⁴⁶ Уточнено Ю. В. Норманской по диалектным примерам (Honti 1982).

⁴⁷ Здесь и далее все примеры приводятся по (Honti 1982).

⁴⁸ Я – вариант записи а в кириллическом памятнике в позиции после мягкого согласного.

ПМанс. **taγ* (~ -*a*) (Honti 1982);

3) солик. *Тáры* ‘Сосна’ (Черкалов 1783: 26), нижнелозьв. *tēri* ‘сосна’ (Kannisto 2013: 927) <

ПМанс. **tārəγ* (Honti 1982);

ПМанс. **ć* > *č*, *š*⁴⁹

1) солик. *Вочахъ* ‘Грязь’ (Черкалов 1783: 6) < ПМанс. **waćək* (Honti 1982);

2) солик. *Вóчерме* ‘Желчь’ (Черкалов 1783: 7) < ПМанс. **waćərām* (Honti 1982);

3) солик. *Чáхаухъ* ‘Ласточка’ (Черкалов 1783: 13), нижнелозьв. *šēgēiχ* ‘ласточка’ (Kannisto 2013: 822) < ПМанс. **ćäkəjək* (Honti 1982);

ПМанс. **k* > *k*

Перед гласными заднего ряда:

1) солик. *Кўль* ‘Рыба’ (Черкалов 1783: 23), нижнелозьв. *torqul* ‘рыба’ (Kannisto 2013: 929) < ПМанс. **kūl* (Honti 1982);

2) солик. *Кóтоль* ‘Солнце’ (Черкалов 1783: 26), нижнелозьв. *ka,dl* ‘солнце’ (Kannisto 2013: 392) < ПМанс. **kātəl* (~ -*a*) (Honti 1982);

3) солик. *Кéппе* ‘Осина’ (Черкалов 1783: 13), нижнелозьв. *kəppə* ‘осина’ (Kannisto 2013: 336) < ПМанс. **kīpəz* (Honti 1982);

ПМанс. **š* > *š*

1) солик. *Шіишь* ‘Спина’ (Черкалов 1783: 26) < ПМанс. **šiš* (~ -*ä*) (Honti 1982);

2) солик. *Кóшкеръ* ‘Ноготь’ (Черкалов 1783: 17) < ПМанс. **künš* (~ -*ä*) (Honti 1982);

3) солик. *Шóишь* ‘Источник’ (Черкалов 1783: 10) < ПМанс. **šāš*- (Honti 1982);

В результате исследования соликамского словаря по диалектно-дифференцирующим признакам (Honti 1988) и сравнения его данных с нижнелозьвинским говором можно заключить, что предполагаемую принадлежность языка этого памятника к западномансийскому диалекту не удастся доказать надежно. У всех фонем присутствует рефлексация, свойственная нескольким диалектным группам, которая, видимо, должна считаться архаичной.

В четвертой главе «Первые восточномансийские памятники середины и второй половины XIX вв.» исследуется система вокализма и консонантизма двух текстов Священного Писания – Евангелия от Матфея (1868), насколько нам известно, первой опубликованной книги на мансийском языке, и Евангелия от Матфея (1847-1848), рукопись

⁴⁹ В отношении рефлекса *š* выявляется четкое условие распределения: после гласной заднего ряда *a*.

которого Ю. В. Норманская отсканировала в архивах Санкт-Петербурга в 2018 г., – с целью их полного графико-фонетического описания и уточнения диалектной принадлежности.

Как указано на титульном листе текста (Евангелие 1868), он относится к кондинскому диалекту, однако исследования по верификации этих данных не проводились. Диалектная принадлежность второго памятника ранее не была известна. Нам удалось установить место его записи и авторство – переводом текстов Священного Писания на мансийский язык занимался Петр Андреевич Фелицын, ключарь (позднее – протоиерей) Тобольского кафедрального собора. В 1818–1821 гг. при содействии Григория и Георгия Поповых, родившихся и живших среди манси в с. Бронниковском, прот. Фелицын перевел шесть молитв и все четыре Евангелия⁵⁰. На первом этапе работы с этими источниками мы обнаружили явное сходство в их графике. Возможно, это связано с тем, что Евангелие от Матфея (1847-1848) могло послужить основой для более позднего памятника⁵¹. Однако, информацию, подтверждающую факт такой переработки, нам не удалось найти.

Для получения достоверных результатов исследования по уточнению диалектной принадлежности двух Евангелий был проведен их полный графический и фонетический анализ с привлечением третьих данных, в чьей диалектной принадлежности мы можем быть уверены. Таким источником стал словарь верхнекондинского диалекта из 4 тысяч лексем, приведенный в кандидатской диссертации Е. А. Кузаковой «Южно-мансийский (кондинский) диалект в сопоставлении с северо-мансийским диалектом» (1963 г.). Анализ вокализма исследуемых источников проводился согласно реконструкции прамансийских гласных Ю. В. Норманской, основанной на современных полевых данных (Норманская 2015), и консонантизма – по признакам, предложенным Л. Хонти (Honti 1988). Также были рассмотрены особые случаи, обнаруженные в памятниках.

Параграф 4.1.1 посвящен анализу рефлексов гласных фонем первого слога. Согласно (Норманская 2015), рефлексация *i/e*, представленная в текстах обоих памятников для ПМанс. **i*, прямо указывает на восточные диалекты. По признаку ПМанс. **e* > *ä/a*, *a* оба памятника также соотносятся с кондинскими восточными диалектами (ср. *räkuchv* ‘дождь’ (Евангелие 1868), *ракухъ* ‘дождь’ (Евангелие 1847-1848) и нижнеконд. *räχ_u*, среднеконд. *räχ_u*, верхнеконд. *raχ_u* ‘дождь’ по (Kannisto 2013: 682); *aku* ‘один’ (Евангелие 1868), *аку* ‘один’ (Евангелие 1847-1848) и нижнеконд., верхнеконд. *äk_u*, среднеконд. *äk_u*, ‘один’ (Kannisto 2013:

⁵⁰ Цысь О. П. Участие духовенства Тобольского Севера в переводе «Устава об управлении инородцев» 1822 г. // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2018. № 4. С. 69.

⁵¹ Согласно сведениям Р. В. Гайдамашко, в 1820–1830-е гг. проводилась большая работа по переводу священных текстов на языки народов России, инициированная Российским Библейским Обществом. Публикации удостоились лишь единицы (например, Евангелия на тверском карельском, коми-зырянском и др.), при этом большинство материалов осталось в рукописном виде и могло служить основой при подготовке печатных изданий второй половины XIX в.

23)). Рефлексация гласного в лексеме *char* ‘лодка’ (Евангелие 1868), *xan* ‘лодка’ (Евангелие 1847-1848) позволяет предположить, что текст был написан на нижнекондинском (ср. нижнеконд. *χār*, в то время как в среднекондинском и верхнекондинском зафиксирована форма *keṛ* ‘лодка’ (Kannisto 2013: 333)). По наличию в реализации ПМанс **i* рефлекса *ы* Евангелие (1847-1848) также соотносимо с *ə* в ниже- и среднекондинском говорах по [Каннисто 2013]. Отметим, что представленный в этом мансийском источнике говор отличается от уже известных нам диалектов. Так, в реализации ПМанс. **a* мы обнаружили интересное явление: в ряде слов отмечен переход этой фонемы в *o* (*очелне* ‘погибать, умирать’, *мошкатымь* ‘одетый’), а также несколько дублетных форм (*шакь /шоx* ‘очень’, *пасен/посынь* ‘стол’).

Стоит также отметить, что проведенный анализ гласных фонем текстов Священного Писания середины XIX в. в сопоставлении с материалами начала и второй половины XX в. позволил определить хронологию языковых изменений, произошедших при развитии прамансийского языка к современным диалектам. Утрата ПМанс. **i* в кондинском говоре в материалах Е. А. Кузаковой и ее наличие в текстах Евангелия и в словаре А. Каннисто, свидетельствуют о процессе языковой трансформации в мансийском языке. В отношении ПМанс. **a* и **ā* мы обнаружили широкую распространенность дифтонгоидности в данных А. Каннисто и Б. Мункачи, вплоть до сохранения этого процесса в некоторых современных говорах. При этом в Евангелиях от Матфея (1847-1848) и (1868) дифтонги, как таковые, отсутствуют (за исключением слов *laili* ‘ноги’ и *лайли* ‘ноги’, *ḥait* ‘шаман’ и *найтть* ‘шаман’ в обоих памятниках и одной лексемы *шау* ‘много’ в (Евангелие 1847-1848)).

В параграфе 4.1.2 представлен анализ системы консонантизма (Евангелия 1868) и (Евангелия 1847-1848). Результатом проведенного исследования стало выявление двух важных особенностей для определения диалектной принадлежности этих памятников:

1) реализация ПМанс. **š*: рефлекс этой согласной позволяет подтвердить гипотезу о том, что памятники были написаны на нижнекондинском говоре: ср. *oš* ‘овца’ (Евангелие 1868), *ошь* ‘овца’ (Евангелие 1847-1848) и нижнеконд. *òš*, среднеконд. *o's*, верхнеконд. *o's* ‘овца’ (Kannisto 2013: 105); *šanš* ‘колено’ (Евангелие 1868), *шаниш* ‘колено’ (Евангелие 1847-1848) и нижнеконд. *šānš*, среднеконд. *sʰāns*, верхнеконд. *sōāns* ‘колено’ (Kannisto 2013: 761);

2) переход ПМанс. **k* > *ch*, *x* перед заднерядными гласными: по А. Каннисто в верхне- и среднекондинском **k* сохраняется, а переход в *ch*, *x* характерен только для нижнекондинского: *chol* ‘дом’ (Евангелие 1868), *холь* ‘дом’ (Евангелие 1847-1848) и нижнеконд. *χol*, среднеконд., верхнеконд. *kōāl* ‘дом’ (Honti 1982); *chul* ‘рыба’ (Евангелие 1868), *хуль* ‘рыба’ (Евангелие 1847-1848) и нижнеконд. *χūl*, среднеконд., верхнеконд. *kūl* ‘рыба’ (Honti 1982).

Особая черта – ограничение на качество второго гласного, выявленное в текстах двух Евангелий, подробно рассматривается в параграфе 4.1.3. Анализ и количественный подсчет этих типов показал, что:

– в (Евангелие 1868) в словах с *o*, *e* в первом слоге встречается практически исключительно *e* во втором слоге. Аналогичные ограничения не зафиксированы в других более поздних словарях. Например:

- 1) 1 текст⁵² – *moše* ‘мало’, 2 текст⁵³ – *моше*;
- 2) 1 текст – *ol-es* ‘быть-PST3SG’, 2 текст – *ол-есь* ‘быть-PST3SG’;
- 3) 1 текст – *ontš-es* ‘иметь-PST3SG’, 2 текст – *оньч-есь* ‘иметь-PST3SG’

– в кириллическом переводе (Евангелие 1847-1848) в словах с *o*, *e* в первом слоге наряду с *e* во втором слоге также часто встречается *ы*, которое не отмечается в такой позиции в восточных диалектах в более поздних словарях (только в данных А. Н. Баландина по северному сосьвинскому диалекту). Например:

- 1) 1 текст – *l'onch-nel* ‘путь-ABL’
2 текст – *лонх-ыль*
- 2) 1 текст – *oslem* ‘плод’
2 текст – *ослымь*
- 3) 1 текст – *chortep* ‘лопата’
2 текст – *хортыпъ*

– в обоих памятниках в словоформах с *i* в корне, в основном, во втором слоге встречается *a*, что нехарактерно для других словарей. Например:

- 1) 1 текст – *mira-me* ‘народ-ACC’
2 текст – *мира-ме*
- 2) 1 текст – *tina-ne* ‘они-LAT’
2 текст – *тина-не*
- 3) 1 текст – *kitpal* ‘окрестность’
2 текст – *китъпаль*

В **Заключении** представлены основные выводы, полученные в ходе диссертационного исследования.

При верификации точности транскрипции пелымского диалекта в материалах (МК 1986), (Kannisto 2013), (Словцов 1905) было установлено, что у Б. Мункачи зафиксированы варианты гласных, не отраженные у других исследователей: ПМанс. $*a > a/\bar{a}$, \emptyset ; $*e > \bar{a}$, $\emptyset/\bar{\theta}$, а транскрипции А. Каннисто и о. Константина Словцова полностью совпадают между собой,

⁵² (Евангелие 1868).

⁵³ (Евангелие 1847-1848).

различаясь в ряде случаев только тем, что у Словцова отражены фонемы, а у Каннисто – аллофоны.

Было установлено, что в середине XVIII в. в соликамском говоре, который лег в основу словаря прот. Симеона Черкалова (Черкалов 1783), фонетические диалектно-дифференцирующие изменения только начались и представлены дублетными формами.

В западномансийских памятниках была также выявлена фонема *č*, которая имеет особые прасамодийские параллели и, возможно, должна быть восстановлена для прамансийского языка; в других ранее известных говорах она была утрачена.

Анализ восточномансийских текстов, созданных в середине и второй половине XIX в., показал, что к этому периоду уже произошел переход: ПМанс. $*e > \ddot{a}$ и $*k > ch/h$, а остальные переходы, характерные для более позднего состояния, отсутствуют или только начинаются. Это показывает, что традиционная классификация мансийских диалектов, созданная на основе материалов конца XIX – начала XX вв., не соответствует данным середины XVIII – начала XIX вв. и должна быть модифицирована.

Основные положения диссертации изложены в 13 публикациях:

Статьи, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных **Высшей аттестационной комиссией РФ**:

- 1) *Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А.* Архивный пелымско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования. 2017. № 3 (26). С. 151-161. (Scopus Q2);
- 2) *Кошелюк Н. А.* Графико-фонетический анализ архивного словаря пелымского диалекта мансийского языка о. Константина Словцова // Урало-алтайские исследования. 2018. № 4 (31). С. 218-227. (Scopus Q2);
- 3) *Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А.* Неопубликованный мансийский словарь П.С. Палласа – ранее неизвестный мансийский диалект? // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1 (36). С. 92-100. (Scopus Q2);
- 4) *Кошелюк Н. А.* Мансийские исследования: от истоков к современности // *Oriental Studies*. 2021. Т. 13. № 3. С. 743-765. DOI: 0.22162/2619-0990-2020-49-3-743-765. (Scopus Q1);
- 5) *Кошелюк Н. А.* Общие инновационные процессы в мансийских диалектах: именная морфология // *Вестник угроведения*. 2021. Т. 11. № 2. С. 278-291. DOI 10.30624/2220-4156-2021-11-2-278-291. (Scopus Q2, Web of Science);

Статьи, опубликованные в материалах конференций:

- 6) *Kosheliuk N., Normanskaya Yu. V.* Graphic features of the archival Mansi language dictionary, compiled by archpriest Simeon Cherkalov (1783). Proceedings of NORDSCI Conference on Social Sciences, Helsinki, Finland, 17-19 July, 2018. Vol. 1.P. 293-301. (Web of Science);
- 7) *Kosheliuk N.* Archival Pelym dictionaries of the Mansi language and their value for the verification of accuracy of Kannisto and Munkachi dictionaries // Proceedings of SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Science and Arts, Vienna, Austria, 19-21 March, 2018. Vol. 5. P. 27-35. (Web of Science);

Другие публикации по теме диссертации:

- 8) *Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А.* Мансийский язык. Недоописанный язык бывших хозяев Урала, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://postnauka.ru/longreads/156197> (дата обращения: 17.02.2022);
- 9) *Koshelyuk Natalia.* LingvoDoc: new opportunities for graphic and phonetic analysis of endangered languages. Easy Chair preprint, № 5287, April 25, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://easychair.org/publications/preprint/CPbr> (дата обращения 20.04.2022);
- 10) *Koshelyuk Natalia.* LingvoDoc: working with text corpora. Easy Chair preprint, № 6242, August 6, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://easychair.org/publications/preprint/nSP6> (дата обращения 20.04.2022);
- 11) *Koshelyuk Natalia.* LingvoDoc: extralinguistic information and maps. Easy Chair preprint, № 6766, October 5, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://easychair.org/publications/preprint/Mj13> (дата обращения 20.04.2022);
- 12) *Koshelyuk Natalia.* LingvoDoc: Working with Phonology. Easy Chair preprint, № 7137, December 3, 2021. [Электронный ресурс] URL: <https://easychair.org/publications/preprint/NGSp> (дата обращения 20.04.2022);
- 13) *Koshelyuk Natalia.* LingvoDoc: Working with Cognate Analysis. Easy Chair preprint, № 7446, February 11, 2022. [Электронный ресурс] URL: <https://easychair.org/publications/preprint/BcXt> (дата обращения 20.04.2022).